

УДК 811.161.1'255

В. А. Сидоренко, И. В. Панчук

**Окказионализмы в поэтической системе
Анны Ахматовой**

У статті розглянуто структурно-семантичні особливості окказионалізмів, що функціонують в поезії Анни Ахматової, зокрема окказиональних прикметників. Увага акцентується на тому, що найпродуктивнішим способом словотворення, який використовується для утворення таких прикметників, є складання основ. Окказиональні прикметники сприяють створенню нетрадиційних поетичних образів, що запам'ятовуються, передають складний внутрішній світ ліричної героїні.

Ключові слова: окказионалізм, неологізм, способи словотворення, поетичний текст, прикметник.

В статье речь идет о структурно-семантических особенностях окказионализмов, функционирующих в поэзии Анны Ахматовой, в частности, окказиональных имен прилагательных. Отмечается, что самым продуктивным способом, который используется при образовании таких прилагательных, является сложение основ. Новообразования способствуют созданию нетрадиционных, запоминающихся образов, передаче сложного внутреннего мира лирической героини.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, способы словообразования, поэтический текст, имя прилагательное.

The article is about structural semantic features of occasional lan's in the poetry of Anna Akhmatova. It is noted that the most productive way of the formation of such adjectives is the stem composition. Such neologisms enable creation of non-traditional, memorable images, transfer of the complex inner world of the lyrical heroine.

Key words: occasionalism, neologism, methods of word-formation, poetic text, adjective.

Пополнение словарного состава любого языка происходит постоянно, особенно интенсивным этот процесс стал в последние десятилетия, когда человечество вступило в эпоху глобализации и современных коммуникативных систем. Один из путей пополнения лексического запаса – заимствования из других языков, сегодня это чаще всего из английского, что вполне объяснимо, другой – создание новых слов.

Одни из новообразований (неологизмы) со временем могут стать общеупотребительными, войти в активный словарь, утратив ощущение новизны. Другие же, как считают исследователи, обладают постоянной, "хронической", новизной. Они не рассчитаны на закрепление в общезыковом употреблении, являясь принадлежностью определенного контекста (авторские новообразования).

В специальной литературе такие новообразования называют по-разному: "индивидуальные слова", "неологизмы контекста", "однословные неологизмы", "слова-самоделки", "слова-метеориты", "слова-экспромты" и т. п., однако общепринятым для обозначения таких лексических единиц в современной лингвистике можно считать термин "окказионализм", который определяется как "слово, созданное на определенный случай (occasio (лат.) – случай) с целью обычного сообщения, либо с целью художественной" [8, с. 154].

Как известно, появление таких лексических единиц продиктовано необходимостью по-новому взглянуть на то или иное явление действительности, они способствуют созданию запоминающихся образов, передаче тончайших, эмоционально насыщенных переживаний, что определяет сферу их функционирования – чаще всего это поэтическая речь.

Такие новообразования, являясь средством художественного освоения действительности, характерны для поэзии разных эпох, поскольку именно словотворчество стремится "воплотить в новом слове новый поэтический смысл, дать поэтическому языку новые "технические средства" [1, с. 43]. Отсюда их отличие от общелитературных новообразований: более свободное обращение со словообразовательными средствами языка. Как считает М. Бакина, для образования окказионализмов "наряду с высокопродуктивными моделями используются непродуктивные" [5, с. 93]. (Ср.: *Или это биочудо? Где живут дево-деревья?; Но за горло держит цоколь / цокольцокольцокольцо; Снятся штукатуру Насте – / НАСТЕНАТЕНА СТЕНА* [6, с. 26, 73, 82].)

Об этом говорит и Н. Бабенко, подчеркивая, что окказионализмы "живут" в литературных произведениях, вступая в противоречие с языковыми нормами. В этом их сущность: с одной стороны, они находятся вне нормы, а с другой – их "неправильность" становится изобразительно значимой именно в художественном тексте [4, с. 18].

Активное обращение к индивидуальному словотворчеству традиционно связывают с русской поэзией "серебряного века", в частности, с творчеством поэтов-символистов и футуристов. В

программе последних один из пунктов даже предусматривал право поэта на "словоновшество".

Особое отношение к поэтическому слову отличает и акмеистов (акмеизм – "течение в рус. поэзии начала XX в., возникшее наряду с футуризмом как реакция на кризис символизма" [9, с. 10]), к которым Анна Ахматова "примкнула" после публикации в их журнале "Аполлон" "примечательной подборки" ее стихов, а ее ранняя поэзия стала одной из "ярчайших граней всей школы" [3, с. 8]. Она, как и другие поэты-акмеисты, отвергавшие мистицизм, недосказанность, туманность и расплывчатость образов символистов, пыталась о многообразии мира сказать просто и точно, а поэтическому образу вернуть конкретность и узнаваемость.

Поэтическое чутье, тонкий литературный вкус (сказывалось влияние русской классической поэзии), неутомимые поиски нужного слова, "работа" над звучанием стиха ощутимы практически в каждом ее произведении. Этим, на наш взгляд, обусловлено и словотворчество Анны Ахматовой, которое для нее не филологический эксперимент, не формально-конструктивистские поиски "нового поэтического языка", а стремление глубже проникнуть во внутренний мир своей героини, понять его и посредством нового, нетрадиционного слова – малозаметной детали, создать запоминающийся образ.

Большая часть новообразований А. Ахматовой – имена прилагательные, семантика которых отличается разнообразием, а способы образования чаще всего соответствуют нормам словообразовательной системы русского языка. В большинстве случаев окказиональные прилагательные выступают в роли эпитетов – художественных, образных определений, способствующих непосредственному закреплению "первичных, чувственных образов", придающих неожиданное звучание всему произведению.

Все прилагательные-окказионализмы с точки зрения их структуры можно распределить следующим образом:

1) прилагательные, образованные сложением (сращением) основ;

2) суффиксально-префиксальные новообразования.

Следует отметить, что Анна Ахматова "отдает предпочтение" сложным окказиональным прилагательным, тогда как суффиксально-префиксальные новообразования единичны, хотя и не менее интересны.

Остановимся на структурно-семантической характеристике окказионализмов первой группы, поскольку именно они важны для понимания особенностей авторской картины мира.

Наиболее продуктивным способом образования таких прилагательных является сложение основ, позволяющее объединить в одном слове различные по семантике основы, определяющие предмет или явление. Первая основа в этих словах, как правило, привносит дополнительный оттенок, конкретизирующий значение второй основы: **весело-сухие деревья, кроваво-черный карнавал, спокойно-юное лицо.**

Сложение может сопровождаться суффиксацией, в том числе и нулевой: **многозвонный ветер, светлоокая** Сирин.

Часть сложных окказиональных прилагательных, как показывает анализ, можно отнести к "цветовым", которые используются для передачи сложной цветовой гаммы, многообразия колористических характеристик, необычных цветовых оттенков.

Некоторые из таких новообразований включают две основы, обозначающие цвет: *Лети в закат багрово-алый, / В душливый фабричный дым, / И в негритянские кварталы, / И к водам Ганга голубым* [2, т. I, с. 331].

Багрово-алый (закат) – имя прилагательное, объединяющее в своей семантике разные оттенки "красного" ("**Багровый** ... Густо-красный, пурпуровый ... Красный с синеватым или лиловатым оттенком"; **Алый** ... Светло-красный" [7, т. I, с. 55, 33]), способствует передаче зрительно воспринимаемой действительности. Такая пейзажная деталь – "нагнетание" красного цвета при описании заката – подчеркивает тревожность мира, его трагическое начало.

При образовании таких окказиональных прилагательных может быть также использована "ассоциативно-цветовая модель", где одна из основ – цветообозначение, а другая указывает на цвет "по ассоциации". А. Ахматова "любит" такие определения, поскольку в них органично объединяются цветовые и качественные характеристики, позволяющие создать чувственно воспринимаемый образ.

Проанализируем один из контекстов с прилагательным **червонно-дымная** (заря) ("**Червонный**, ... Устар. Красный, алый"; **Дымный** ... 2. перен. Легкий, туманный, подобный дыму" [7, т. IV, с. 662; т. I, с. 458]), где вторая основа, на первый взгляд, семантически не связана с цветом: *И ветер в круглое окно, / Вливался влажною струєю, – / Казалось, небо сожжено / Червонно-дымною зарею* [2, т. I, с. 95].

Использование данного прилагательного мотивировано метафорой "**небо сожжено**": вечерний закат, его цветовое восприятие, "попыхание" сравнивается с пожаром. На красный цвет заходящего

солнца "накладываются" оттенки, по цвету напоминающие дым, – серый, серебристый, сизый, голубой, черный, желтоватый, перетекающие друг в друга, все время изменяющиеся. Цветовая фантазмагория вечернего неба может подчеркивать непростые, противоречивые отношения лирической героини с окружающим миром.

Семантика цвета "присутствует" и в первой основе прилагательного **кроваво-черный** ("*Кровавый* ... 4. Ярко-красный, цвета крови" [7, т. II, с. 131–132]), которое используется в сочетании с существительным "карнавал". При этом возникает неоднозначное восприятие семантики этого новообразования: с одной стороны, в карнавальных костюмах действительно довольно часто используются эти два цвета – красный и черный, а с другой – карнавал, как часть народной уличной культуры, иногда может приводить к столкновениям, во время которых проливалась кровь. Слово сочетание "**кроваво-черный карнавал**" – ключевое для передачи душевного состояния, которое переживает героиня Анны Ахматовой: *И свиданье с тем, кто издевается, / И любовь к тому, кто не позвал... / Посмотри туда – он начинается, / Наш кроваво-черный карнавал* [2, т. I, с. 352].

Определенный интерес представляют сложные окказиональные прилагательные, в которых вторая основа – цветообозначение – усиливается или ослабляется семантикой первого компонента. Например, в следующем контексте обращает на себя внимание новообразование **жгуче-голубое** (небо) ("*Жгучий*... 1. Горячий, обжигающий, палящий. ... Вызывающий ощущение жжения, причиняющий острую боль. ... 2. Остро переживаемый; мучительный" [7, т. I, с. 474]): *И дыхание их понятней слова, / А подобье их обречено / Среди неба жгуче-голубого / На арычное ложится дно* [2, т. I, с. 208].

Колоратив "*голубой*", как правило, ассоциативно связан с нежными, светлыми тонами, однако в соединении с семантикой первой основы, он передает ощущение "обжигающей голубизны" южного неба, отраженного в прозрачно-холодной воде арыка. Концентрация признака в данном случае "заключается" в первой основе, благодаря ей цветовой признак усиливается, а контрастность восприятия становится основой для создания образа неба.

Первая основа окказионализма **млеюще-зеленая** (вода) – причастие, обозначающее признак по действию глагола "млеть" ("*Млеть* ... 1. ... Находиться в состоянии истомы, расслабленности,

наслаждаясь покоем, отдыхом и т. п." [7, т. II, с. 279]: *Золотая голубятня у воды, / Ласковой и млеюще-зеленой...* [2, т. I, с. 73].

Прилагательное *млеюще-зеленой* выступает в функции обособленного определения, усиливая семантику лексемы "ласковой" (воды), и используется для создания "собственно акмеистического" образа природы. Как известно, акмеисты особое внимание уделяли детали, в частности, бытовой: "золотая голубятня", т. е. голубятня, "купающаяся" в лучах заходящего солнца. Картина умиротворенной природы, пасторальность изображаемого визуально закрепляется, в первую очередь, посредством новообразования *млеюще-зеленая*.

Некоторые имена прилагательные Анна Ахматова "получает" посредством объединения совершенно разных в смысловом отношении основ, чем достигается эмоциональная выразительность, создаются визуально запоминающиеся образы. Например, в следующем контексте: *Перед весной бывают дни такие: / Под плотным снегом отдыхает луг, / Шумят деревья весело-сухие, / И теплый ветер нежен и упруг* [2, т. I, с. 110].

Определенный интерес вызывает и прилагательное *стыдливо-замкнутых* (лилий), представляющее собой смысловой повтор, где опорная основа – страдательное причастие, которое перешло в имя прилагательное ("Замкнутый ... 2. в знач. прил. Необщительный, скрытный" [7, т. I, с. 545]), Оно выступает в функции обособленного определения и способствует сравнению девственных, белоснежных лилий с невинными девушками, стыдливими и еще "не раскрытыми" для сложной и тревожной взрослой жизни: *Я лилий нарвала прекрасных и душистых, / Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой...* [2, т. II, с. 302].

Некоторые окказиональные имена прилагательные образованы сложением основ в соединении с суффиксацией. К ним можно отнести *многозвонный* (ветер), где первая основа – количественное наречие *много*, соединяясь со второй – существительным *звон*, указывает на степень качества, которым обладает предмет, на преобладание признака: *И милый сон под Рождество, / И Пасхи ветер многозвонный...* [2, т. I, с. 91].

В данном контексте это новообразование обладает особой поэтичностью, оно создает звуковой образ: многоголосье колокольного звона в Пасхальный день Светлого Христова Воскресения, которое, наверное, в каждом христианине пробуждает добрые, теплые воспоминания детства.

Компонентами сложения могут быть основы имени прилагательного и имени существительного, например, **светлоокая** (Сирина), где использован нулевой суффикс: *Оттого ль его сон безмятежен и мирен, / Что я здесь у закрытых ворот, / Иль уже светлоокая, нежная Сирина / Над царевичем песню поет?* [2, т. 1, с. 37].

Объединение двух таких основ позволяет совместить в одном слове, казалось бы, разные значения. Семантика окказионализмов подобного типа определяется, как правило, значением первой основы. Именно она указывает на необычный взгляд автора на привычные вещи.

Еще одно ахматовское новообразование вызывает определенный интерес – **козлоногая**, где обе основы – имена существительные, а суффикс, как и в предыдущем примере, – нулевой: *Через призрачные ворота / И мохнатый и рыжий кто-то / Козлоногую приволок* [2, т. 1, с. 282].

Необычность этого новообразования и семантическая – уж очень оно непривычно (козёл+нога+0 суф.), и грамматическая – в данном контексте это прилагательное уже субстантивировано (имя существительное женского рода), и художественная – она кто? Просто коза? Или черт женского пола?

Творчество Анны Ахматовой пронизано идеей покаяния и прощения. Её любовная лирика и через 100 лет продолжает волновать читателей. Она подкупает своей искренностью, желанием понять свою героиню, воплотить в слове, в том числе и нестандартном, нетрадиционном, окказиональном, ее духовные поиски, душевные переживания, порой непонимание себя и мира вокруг себя. Объединяя в одном слове разные (или близкие) по семантике основы, поэтесса "получает" не только признак, "который является суммой признаков, названных мотивирующими основами", но и создает "эффект обманутого ожидания", усиливающий впечатление, способствующий выразительности создаваемого образа. Примером может служить стихотворение "Я умею любить..." (1906).

Я умею любить. Я обманно-стыдлива.

Я так робко-нежна и всегда молчалива.

Только очи мои говорят.

Они ясны и чисты,

Так прозрачно-лучисты [2, т. 1, с. 303].

Все окказиональные прилагательные в этом тексте употреблены в краткой форме и выступают в функции предиката, что

указывает на постоянство признака (хоть и написано произведение 17-летней Аней Горенко).

Таким образом, сложные окказиональные имена прилагательные, составляющие самую многочисленную группу ахматовских новообразований, отличаются семантическим разнообразием. Они раскрывают потенциальные возможности, заложенные в системе русского словообразования, способствуют созданию неожиданных, иногда неоднозначно воспринимаемых эпитетов. Их ценность – в краткости формы (развернутые определения сливаются в одно) и емкости семантики (значение такого прилагательного не является суммой значений, объединенных в нем компонентов).

Литература

1. Александрова О. И. Поэтические неологизмы начала века / О. И. Александрова // Русская речь. – 1974. – № 1. – С. 42–46.
2. Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 2 т. / А. Ахматова. – М. : Художественная литература, 1986.
Т. 1. Стихотворения и поэмы / сост. В. А. Черных ; вступ. ст. М. Дудина. – 1986. – 510 с.
3. Ахматова А. Стихотворения и поэмы / А. Ахматова ; сост., авт. вступ. статьи и примеч. Н. Банников. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 224 с.
4. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ / Н. Г. Бабенко. – Калининград, 1997. – 130 с.
5. Бакина М. А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества / М. А. Бакина // Русский язык в школе. – 1975. – № 5. – С. 93–96.
6. Вознесенский А. Избранное / А. Вознесенский. – М. : Эксмо, 2014. – 352 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т / под ред. А. Н. Евгеньевой ; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Русский язык, 1981–1984.
8. Ханпира Эр. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании / Эр. Ханпира // Развитие словообразования современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 153–166.
9. Эстетика : словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.